

Глава 13. Маленький бедняжка

Вспыльчивый нрав Цзи Цинье, казалось, приходил так же быстро, как и уходил.

На мгновение Ся Хуайянь решил, что он слишком чувствителен, и именно поэтому ему показалось, что тот действительно злится на него.

Когда он вошел в комнату, еда на столе еще не остыла, а к миске и палочкам на главном месте почти не притрагивались.

Он опешил:

— Вы еще не обедали?

Цзи Цинье только хмыкнул и положил принесенный пакет на тумбочку:

— Иди выпей лекарство.

Ся Хуайянь изначально хотел было из любопытства спросить, не из-за того ли затянулся обед, что Цзи Цинье спускался встречать его, но, услышав это, внезапно почувствовал, как сердце ухнуло вниз.

Он-то думал, что ему удастся избежать этой участи с лекарством.

Ся Хуайянь снял с головы шапку и спрятал руки за спину, неуверенно бормоча:

— Мне уже лучше, не нужно мне пить лекарство.

Хотя тон его звучал мягко и жалобно, всем своим видом он выражал яростное сопротивление.

Он вспомнил о необходимости расплачиваться с долгами.

Ловя на себе недоуменный взгляд Ся Хуайяня, тот добавил:

— Оно сладкое.

Сидя в кабинете, Цзи Цинье замер, как только Ся Хуайянь ушел.

Ся Хуайянь поплелся к Цзи Цинье, остановился у двери кабинета, постучал и, подражая тете

Сунь, позвал его:

— Господин Цзи.

Он не понимал, зачем этому мужчине заботиться о его здоровье — он ведь совершенно не стоил подобных усилий.

Ся Хуайянь был не в силах постичь мысли Цзи Цинье. Подумав, что даже если он поспит еще одну ночь, ничего страшного не случится, он вернулся в свою комнату, умылся и лег в постель.

Голос юноши звучал чисто и мягко, особенно когда он произносил слова «господин Цзи».

Ся Хуайянь не принадлежал к тем упрямам, что до последнего допытываются до сути. Сам по себе замкнутый и не смеющий задавать лишних вопросов, он, даже испытывая сомнения, всегда держал их при себе.

Он старательно копил деньги, надеясь, что после воссоединения с мамой у него появятся средства увезти ее из Юньчэня и начать новую жизнь.

Там, где находились члены семьи Ся, Ся Хуайянь чувствовал себя невыносимо.

Он стоял в дверях, не решаясь войти. Видя, что пальцы Цзи Цинье все еще лежат на клавиатуре, и не желая отвлекать его надолго, он набрался храбрости и спросил:

— Господин Цзи, в какой комнате я буду спать сегодня?

Будь то согласие заняться делами компании Ся или забота, проявленная к нему за эти два дня — от великого до самого малого, — Ся Хуайянь был не в состоянии вернуть этот долг.

— Это я, господин.

Мужчина откинулся на спинку рабочего кресла и, глядя на стоявшую в центре стола белоснежную чашу с белыми цветами жасмина, тронул уголками губ улыбку.

Ся Хуайянь забился под одеяло, переводя взгляд на хрустальную люстру на потолке. Свет был ослепительным, и переливчатые разноцветные блики мерцали на белом потолке, словно рябь на воде.

Мужчина прикрыл глаза, отложил палочки и произнес:

— Я в кабинете. Если что-то нужно, иди туда.

Залпом выпив сладковатую микстуру, Ся Хуайянь облизал уголок губ и украдкой бросил взгляд на Цзи Цинье, ужинавшего за столом.

Он прибрал свои вещи, взял пакет и поднялся наверх. Дойдя до двери комнаты Цзи Цинье и собираясь уже войти, чтобы привести себя в порядок и лечь спать, он вдруг спохватился: ведь его комната совсем не здесь.

От этого голоса в груди становилось щекотно.

Пальцы Цзи Цинье постукивали по столу. Из-за долгого бездействия экран компьютера погас сам собой, и вместе с этим свет в его глазах тоже померк, став еще более хищным.

Сегодняшняя работа с температурой и недомоганием действительно вымотала его, голова была тяжелой и кружилась, не оставалось никаких сил.

Ся Хуайянь чувствовал себя обязанным. Цзи Цинье был так добр к нему, а он был абсолютно не в состоянии отплатить тем же.

Услышав отклик из кабинета, Ся Хуайянь наконец осмелился толкнуть дверь.

Цзи Цинье сидел за спиной Ся Хуайяня, и почему-то силуэт юноши казался одиноким и отягощенным тяжелыми думами.

Заметив, что Ся Хуайянь стоит на месте и не уходит, Цзи Цинье спросил:

— Что-то еще?

Взгляд мужчины неизменно оставался холодным и мрачным, и Ся Хуайянь тут же отвел глаза, покачав головой:

— Ничего. Тогда я пойду к себе, вы тоже ложитесь пораньше.

Ся Хуайянь хотел попросить Цзи Цинье сразу назвать ему номер комнаты — он бы и сам все убрал, но мужчина выглядел невероятно занятым: его взгляд был прикован к монитору, а пальцы выстукивали на клавиатуре четкий ритм, не оставляя пространства ни для единого лишнего слова.

Не раздумывая больше, Ся Хуайянь убрал со стола и вымыл посуду.

Лекарство, которое дала ему Фэн Аньшуан, он пить не стал. Зная свой скверный характер, он подумал, что лучше бы и не утруждал других.

Комната, похоже, еще не была готова.

У него не было ничего, и независимо от того, что именно Цзи Цинъе хотел получить от него взамен, он чувствовал себя бесконечно виноватым.

Его так легко обмануть... Что же с ним делать?

Он не хотел оставаться здесь и позволять маме и себе иметь хоть какое-то отношение к кому бы то ни было из семьи Ся.

Услышав слова Цзи Цинъе, Ся Хуайянь тут же поднялся на ноги, но увидел, что тот уже направляется вверх.

Возможно, для него было несколько непривычно называть Цзи Цинъе господином, поэтому при произнесении этих трех слогов голос звучал легко и невесомо, словно перышко, скользнувшее по ладони.

Он отступил на два шага назад и прикрыл дверь.

Цзи Цинъе поднял взгляд, подмечая это выражение его лица, и на его вечно холодном лице промелькнуло смягчение:

— Это лекарство для укрепления иммунитета.

К счастью, младшие были милыми и послушными, так что общаться с ними не составляло особого труда.

Тетя Сунь куда-то ушла — по вечерам она здесь, судя по всему, не ночевала, приходя лишь днем, чтобы приготовить трехразовое питание.

Нужно зарабатывать еще больше денег. Как только он вернет долг Цзи Цинъе, они с мамой уедут из этого полного скорби места.

— Комната еще не готова, пока поспишь в моей, — бросил на него мимолетный взгляд Цзи Цинъе и вновь погрузился в работу.

Уловив свежий, сухой аромат постельного белья, Ся Хуайянь внезапно почувствовал, как веки наливаются свинцом. Ему показалось, будто он погружается в неглубокую морскую пену и плавно покачивается на ветру посреди водной глади.

Как только сон уже готов был сморить его, телефон на прикроватной тумбочке внезапно

завибрировал, в одно мгновение разрушив остатки дремоты.

Ресницы Ся Хуайяня дрогнули, сердце забилось в неконтролируемом ритме, отчего в голове на миг стало пусто.

Среди ночи Ся Хуайянь не мог припомнить никого, кто стал бы звонить ему, кроме телефонных мошенников.

На ощупь отыскав продолжающий вибрировать аппарат и потеряв слипающиеся глаза, он взглянул на экран.

Перед глазами застыло слово «Папа», и сердце Ся Хуайяня забилось еще чаще и тревожнее.

Подождав еще немного, Ся Хуайянь не успел даже перевести дыхание после того, как Ся Сичэн сбросил вызов, как тот принялся названивать снова и снова, словно вестник смерти.

Ся Хуайянь приподнялся на кровати и в конце концов отвел вызов.

— Алло? Янь-янь, это папа.

— Почему ты не отвечаешь на папины сообщения и звонки? Как ты? Ты в порядке? Сейчас ведь удобно говорить? Ну как, ты встретился с генеральным директором Цзи? Он согласился?

— ...

Заискивающий, почти льстивый тон мужчины заставил Ся Хуайяня передернуть плечами.

Помолчав секунду и услышав, как собеседник на том конце провода непрерывно сыплет вопросами, он наконец подал голос:

— Я в порядке...

— А господин Цзи? Что сказал господин Цзи?

Не дав Ся Хуайяню договорить фразу «я в порядке», Ся Сичэн тут же перебил его. Ему не терпелось узнать мнение Цзи Цинъюэ, он даже не желал тратить время на вежливые прелюдии.

Ся Хуайянь замер, глядя на свои побелевшие от напряжения пальцы, до боли впившиеся в одеяло, и хрипло произнес:

— Господин Цзи сказал, что подумает. В ближайшие дни он найдет время, чтобы поговорить с вами.

Ся Сичэн облегченно выдохнул. Судя по звукам, рядом с ним кто-то был: резкий посторонний шум неприятно резанул по слуху Ся Хуайяня, а затем до него вновь донесся бодрый смех отца:

— Хуайянь, иметь такого сокровища, как ты, в нашем роду Ся — это величайшая благодать предков! Папа же говорил, что никто, кроме тебя, не справился бы. Как хорошо, что наш Янь-янь такой красавец.

— Раз так, значит, Цзи Цинье должен быть тобой доволен? Где ты сейчас, все еще у него? Не хочешь вернуться? Где ты находишься, папа заберет тебя? Ты совсем не выходишь на связь, мы ведь так переживаем.

— ...

Ся Хуайянь не знал, что ответить на эти двусмысленные речи. Волна глубокого отвращения и беспомощности подступила к горлу.

Опустив взгляд, он прикусил губу:

— Я хочу увидеть маму. Вы обещали, что если я сделаю всё, как вы просите, то позволите мне увидеться с мамой.

— Конечно, — преувеличенно бодро и высокопарно отозвался мужчина. — Только в последнее время мы действительно очень заняты, из-за дел в компании никому не выкроить времени.

Ся Сичэн на мгновение задумался и тут же утешил его:

— Послушай, Янь-янь, как насчет такого? Давай подождем пару дней. Если всё действительно сложится так, как ты говоришь, и господин Цзи вызовет меня на переговоры, то независимо от того, будет ли тетя Сюй против или нет, папа обязательно организует тебе встречу с мамой, хорошо? Ты только не спеши.

— Папа, с какой стати этот ублюдок с ним сюсюкается? Раз он уже выполнил свою роль, пусть катится из семьи Ся! А эта подстилка...

Из трубки вдруг раздался пронзительный голос Ся Паньсина. Ся Хуайяню показалось, будто его сердце стиснули острые когти, готовые раздробить кости в пыль.

Никто не одернул его за грубые слова. Ся Сичэн пропустил тираду Ся Паньсина мимо ушей и продолжил:

— Янь-янь...

— Что он сказал? — впервые в жизни Ся Хуайянь перебил Ся Сичэна, и его мягкий голос прозвучал с неожиданной стальной ноткой гнева.

Ся Сичэн опешил от такого вопроса. Похоже, он никогда не ожидал, что Ся Хуайянь посмеет заговорить с ним в подобном тоне.

Хотя внутри закипало раздражение, опасаясь спугнуть дело с Цзи Цинье, Ся Сичэн подавил неприязнь и выдавил из себя улыбку:

— Твой младший брат еще мал, он просто по глупости сболтнул лишнего, не обращай внимания.

— Извинись.

— Что?

— Я хочу, чтобы он извинился перед моей мамой.

Ся Сичэн понял, что Ся Хуайянь дошел до точки кипения, и просто так эта ночь не закончится.

Раньше бывало точно так же: стоило затронуть тему Вэй Чжилань, как Ся Хуайянь устраивал бесконечные разборательства.

Сдерживая клокотавшую внутри ярость, Ся Сичэн бросил Ся Паньсину:

— Слышал? Старший брат требует, чтобы ты извинился.

Ся Паньсин тоже взбесился и, потеряв контроль над языком, выпалил:

— С какой стати мне перед ним извиняться?! Пап, чего ради этот выродец какой-то шлюхи возомнил о себе бог весть что? Мы с братом и мамой — настоящая семья! К черту эту компанию Ся, почему мы должны терпеть его капризы и плясать под его дудку?!

— Хорошо, — перебил Ся Паньсина Ся Хуайянь. — Раз это неважно, то и ладно. Я попрошу господина Цзи даже не рассматривать дела компании Ся. На этом закончим, больше мне не звоните.

— Хуайянь! Так нельзя!

Ся Сичэн уже был в курсе слухов о том, что Цзи Цинье готов дать группе Ся шанс, поэтому и позвонил сегодня вечером, чтобы прощупать почву через Ся Хуайяня.

Возможность была у них прямо перед носом, как она могла вот так испариться?

— Янь-янь, нельзя так с отцом!

Голос Ся Сичэна сорвался на крик, казалось, он был готов прорваться сквозь телефонную мембрану прямо к Ся Хуайяню:

— Этот щенок не ведает, что творит, мало ли какую чушь он сморозит со зла! Завтра же я приволоку его к тебе, заставлю встать на колени и просить прощения! Нельзя допустить, чтобы господин Цзи взял свои слова назад, ты слышишь меня, Янь-янь? Алло? Янь-янь...

Ся Хуайянь больше не желал слушать от них ни единого слова. Не дожидаясь продолжения лживых речей Ся Сичэна, он сбросил вызов и отключил телефон.

Его слова прозвучали неуверенно: он прекрасно понимал, что не способен повлиять на решения Цзи Цинье, и бросил эту угрозу лишь для того, чтобы напугать Ся Сичэна.

Он также знал, что обещания отца были очередной ложью.

Каждый раз одно и то же: бесконечный повтор одних и тех же обманов.

И тем не менее Ся Хуайянь всякий раз попадался на удочку.

Он неизменно думал: а вдруг?

Вдруг он и впрямь увидит маму? Вдруг на этот раз всё по-настоящему?

А что, если он упустит этот шанс и всё разрушит своими руками?

Но раз за разом он не получал ничего из того, о чем мечтал.

Что значит «Цзи Цинье должен быть тобой доволен»?

Что значит «как хорошо, что ты такой красивый»?

К чему это всё?

Ся Хуайянь прекрасно понимал смысл этих слов, хотя и отчаянно гнал от себя догадки.

Неужели Цзи Цинье думает точно так же? Вот почему он оставил его здесь?

Он доволен им как вещью? Чем именно?

Телом, внешностью или чем-то еще?

В голове Ся Хуайяня образовалась сплошная каша. Он был не в силах переварить столько информации, и мысли спутались в тугой, удушливый клубок.

Тоскливо. Нечем дышать.

Забившись под одеяло, он зажмурил глаза, а его тело под тканью продолжало мелко дрожать от боли.

Он привык бежать от проблем, будучи не в силах изменить хоть что-то.

Словно лишенный свободы механизм, которым управляли чужие руки.

Как же устал... Раскалывается голова, ломит всё тело.

Цзи Цинье вернулся в комнату пораньше, желая заглянуть к Ся Хуайяню и посмотреть, чем тот занят.

В спальне горел свет, и под одеялом угадывался небольшой свернувшийся клубок.

Он подошел и откинул уголок одеяла: юноша сжался в комок, обхватив себя руками, прижавшись лбом к коленям, так что виднелась лишь половина лица.

Нахмурившись, Цзи Цинье вытащил его из-под одеяла, но при соприкосновении с кожей ощутил негостеприимный жар.

То ли оттого, что тот слишком долго парился под укрытием.

Брови Цзи Цинье сошлись еще круче, он приложил ладони к шее юноши — жар был нешуточным.

У Ся Хуайяня снова поднялась температура? Или жар и вовсе не спадал весь день?

А он-то решил, что всё в порядке, проявил халатность и забыл заставить его мерить температуру чаще.

Ся Хуайянь выглядел донельзя испуганным. Оставалось только гадать, что произошло в его отсутствие — ведь в кабинете парень держался вполне нормально.

Губы юноши едва заметно зашевелились, и Цзи Цинье, наклонившись ближе, расслышал прерывистый шепот, полный детских слез:

— Мама... Не уходи...

Выражение лица Цзи Цинье неувовимо изменилось. Он присел рядом с Ся Хуайянем и снова взял его за руку:

— Не уйду.

Термометр показал 37,9.

Цзи Цинье несколько раз обтер его тело прохладной водой и заставил сделать несколько глотков.

Под утро Ся Хуайяню вновь приснился кошмар.

Бормоча что-то в бреду и заливаясь слезами, он отчаянно метался. Из-за лихорадки его лицо покраснелось, и страдания лишь усилились.

Включив верхний свет, Цзи Цинье гладил его по голове, пытаясь успокоить, а в его уговорах сквозила непривычная неловкость:

— Ну тише. Свет горит, всё хорошо.

Тут ему вновь вспомнилось, как мальчишка звал маму во сне, и, вынужденный с трудом подбирать слова, мужчина взял на себя роль матери:

— Мама никуда не уходила.

Ся Хуайянь, впрочем, ничего не слышал. Загнанный в ловушку кошмара, он плакал так, что слезы смешивались с потом, и было уже не разобрать, где что.

Цзи Цинье поднял его на руки. Пылающее тело юноши бессильно откинулось ему на плечо, а тихие всхлипывания, похожие на вой брошенного щенка, раздавались так близко к уху — прерывистые, один за другим, — что на душе становилось тяжело и душно.

Сильно нахмурившись, Цзи Цинье усадил его обратно на постель и вытер слезы.

— Хуайянь.

Ся Хуайяню чудилось, будто кто-то зовет его. Знакомый голос и интонация заставили его с трудом приоткрыть глаза.

Темные, еще не прояснившиеся зрачки заволочла пелена нерассеявшегося тумана. Глядя на оказавшегося совсем близко Цзи Цинье, он с трудом узнавал его, находя лишь смутно знакомые черты, которые постепенно сливались в его памяти с образом единственного старшего товарища по соседству из далекого прошлого.

— Брат...

Словно ребенок, исчерпавший все слезы обиды и наконец дождавшийся утешения, Ся Хуайянь всхлипнув уткнулся ему в грудь.

— Брат...

Цзи Цинье на мгновение замер, а затем губами коснулся его глаз, переносицы и легко прижался к уголкам губ:

— Мм, чего это ты снова ревешь?

<http://bllate.org/book/22055/2293389>